

Копипаста: Аркадий — Lurkmore

Меня зовут Аркадий, мне десять лет.

Я живу с папой и бабушкой. Мамы у меня нет. Она умерла. Родила меня и умерла. Поэтому я совсем ее не помню. Но у меня есть бабушка и дедушка – ее мама и папа, которые меня любят. Папина мама меня тоже любит и зовет Кашенька. Я ненавижу мое имя с тех пор еще, когда девчонки в садике дразнили меня «Аркашка-какашка». Но теперь мне все равно, потому что я сижу за столом и делаю вид, что делаю уроки, а на самом деле думаю про письмо, которое хочу написать, перед тем как заболею и умру. Потому что мой папа – гей. Что такое гей, я узнал вчера.

... Мы с моим другом Антохой шли из школы, а когда свернули во двор нашего дома, то услышали свист. Мы оглянулись и увидели под баскетбольным щитом наших пацанов. Они махали нам руками, и мы подошли. Там был Тимоха Климов, старше нас на год, Витька Смирнов и Данила Шестов – старше на два года, и Леха Бутузов – на три года. Конечно, в нашем доме есть еще другие пацаны, но сейчас были только эти. Мы подошли и протянули руки, чтобы поздороваться. С Антохой пацаны поздоровались, а со мной – нет. Я совал им руку, а они свои отводили, как будто она у меня была заразная. Тимоха и Витька на меня не глядели, а Леха с Данилой глядели и улыбались.

— Вы чего?.. – спросил я.

— А ничего! – сказал Леха.

— Вы чего? Чего я такого сделал? – снова спросил я, а сам стал прикидывать, почему они в этот раз не здороваются.

Они переглянулись и засмеялись. Леха и Данила засмеялись внаглую, а Тимоха с Витькой – так, не очень.

— Ну, вы чего?.. – заорал я.

— Сказать? – спросил Леха пацанов и подмигнул им.

— Скажи! – радостно отозвался Данила.

— Ну, короче, твой отец – гомик! – не долго думая, сказал Леха, и остальные, кроме Антохи, уставились на меня, как на гадюку.

— Что, что-о? – спросил я.

— Что слышал! Гомик! – повторил Леха.

Мы с Антохой переглянулись.

— А-а... что такое гомик? – спросил я Леху.

— Ну, пидор по-нашему! – расплылся Леха, и все остальные, кроме Антохи, попрытали руки в карманы и прищурились.

Не было у нас оскорбления страшнее, чем это. А тут такое про отца.

— Сссам ты пидор! — сбросил я рюкзак и, не помня себя от злости, бросился на Леху.

Леха заехал мне навстречу в плечо, и я упал. Потом вскочил, чтобы снова кинуться, но со спины меня обхватил Данила и держал, не давая ходу. Леха вытянул кулак, уперся мне им в грудь и сказал:

— Че ты дергаешься, Аркаха? Че ты дергаешься? Ведь ты же не виноват, что твой отец гомик!

— Сссам ты гомик! – заорал я ему в лицо.

— Ты думаешь, я гоню? – вдруг сочувственно заговорил Леха, — Ничего я не гоню! Я сам вчера вечером видел!

— Чего ты видел? – крикнул я, не представляя, чего такого этот дурак Леха мог видеть.

— Я видел, как твой отец шел вчера вечером под ручку с каким-то парнем, а на остановке его поцеловал! Они думали, что никто их не видел, а я видел! – выпалил Леха и сделал страшные глаза.

Я молчал и смотрел на Леху. Данила осторожно ослабил руки, но не отпустил.

— Ну и что? – наконец спросил я, не понимая, что здесь такого, — Он и меня целует на прощанье! А твой отец тебя что, не целует разве на прощанье?

— Дурак ты, Аркаха! Ты же маленький, а тот большой был парень, ростом с твоего отца! И притом в губы!

Так только гомики делают!

— Ты все врешь! – крикнул я, — Врешь ты все!

Данила ухватил меня покрепче.

— Да мне и так про него говорили, а тут я сам увидел! Прикинь! – презрительно процедил Леха.

— Кто говорил? – рванулся я к нему, но тут неожиданно понял, о каком парне идет речь:

— Ты урод, Леха! Это дядя Миша, наверное, был! Мой папа музыкант, и они с ним репетировали, а потом он его пошел провожать! Он всегда так делает!

— Ре-пе-те-пи-ти-ро-ва-вали! – противно засмеялся Леха, показывая на меня пальцем.

Я задергался у Данилы в руках:

— Пусти, гад! Пусти, урод! Я тебя убью, Леха! Данила, сука, пусти!

Данила держал крепко. Леха криво улыбался.

Я начал плакать. Я кричал и плакал, а потом вдруг ослаб и перестал дергаться.

Тут все пацаны, кроме Антохи, стали меня утешать:

— Ну, ты че, Аркаша! Ну, ты же тут не при делах! Ну, ты же реально не виноват! Ну, кончай ты обижаться!..

Они утешали, а я молчал. Данила отпустил меня, я подобрал рюкзак и, ни на кого не глядя, побрел в сторону моего подъезда. Меня ни с того, ни с сего тяжело оскорбили почти родные люди.

На самом деле я не знал, что означает слово пидор, а теперь и гомик. Я только чувствовал, что в этом слове есть что-то очень стыдное и взрослое. И если Леха не врет, то выходит, что мой папа — не такой, как все, а гораздо хуже, а значит, я теперь тоже — не такой, как все.

Меня догнал Антоха и пошел рядом.

— Аркаша, Аркаша, не верь им, врут они все! – говорил он, — Слушай, пойдем к нам, у нас торт есть!

— Не хочу торт... — сказал я.

— Ну, пойдем на компьютере поиграем! Пойдем, а?

— Не хочу... — сказал я, но ноги сами понесли меня к Антохиному подъезду, потому что лучше к Антохе, чем домой.

Нам открыла мама Антохи, и Антоха сказал:

— Мам, можно Аркаша у нас побудет?

— Конечно, конечно! Заходи, Аркашенька, заходи, милый!

В квартире у Антохи пахло по-другому, чем у нас. Вкуснее. Мама Антохи заставила нас вымыть руки и усадила есть котлеты. Я котлеты не хотел, и она налила мне чай и отрезала большой кусок торта.

— Как бабушка поживает, Аркашенька? Папа как? – спрашивала мама Антохи, пока я ковырял торт.

— Хорошо... — отвечал я.

— В музыкальную школу ходишь? Нравится?

— Хожу... Нравится...

— А что ты грустный такой? Не заболел?

— Не заболел...

Пока она расспрашивала, Антоха съел котлету, подтянул к себе кусок торта и вдруг спросил:

— Мама, а что такое гомик?

— Как? Гномик? – не поняла мама.

— Го-о-омик! – громко сказал Антоха.

Мама закашляла, а потом строго спросила:

— От кого ты это слышал?

— Мальчишки во дворе сказали! Они сказали, что Аркашин папа — гомик!

Мама Антохи закрыла лицо руками и отвернулась от нас. Ее спина задрожала, и было непонятно — плачет она или смеется. Потом она повернулась, и мы увидели, что лицо у нее красное и дергается.

— Это плохое слово. Надо говорить — гей, — сказала она.

— Мам, а что такое гей? — спросил Антоха.

— Это когда мужчины дружат с мужчинами...

— Как мы с Аркашей? — радостно перебил ее Антоха.

— Не совсем... Вы ведь и с девочками тоже дружите, а есть мужчины, которые с девушками не дружат, а только с мужчинами... Ну, в общем, рано вам еще об этом знать!

Когда я уходил, мама Антохи прижала меня к себе, погладила по голове и сказала:

— Бедный ты мой бедный!

Пахло от нее не так, как от бабушки, а гораздо вкуснее.

Я пришел домой и спрятался в своей комнате. Бабушка несколько раз заглядывала ко мне, но я притворялся, что делаю уроки, потому что я не хотел ни с кем разговаривать. Потом наступил вечер, и я пошел в бабушкину комнату. Она сидела, накинув шаль, и смотрела телевизор.

— Пришел наконец-то мой Кашенька! Садись ко мне, мое солнышко! Ты, может, кушать хочешь?

Я мотнул головой.

— Тебя что, где-нибудь кормили?

— У Антохи...

— Ты у Антошки был? Как его мамочка поживает? Ты видел ее?

— Видел... Хорошо поживает...

— Она очень хорошая женщина! Они с твоей мамой Аней очень дружили, перед тем, как... вы с Антошкой родились. В следующий раз передай ей от меня большой привет!

— Бабушка, а правда, что наш папа — гей? — спросил я.

Бабушка застыла.

— Что ты такое говоришь? — с трудом выговорила она.

— Лешка видел, как наш папа целовался на остановке с дядей Мишей.

— Какой Лешка?.. Что видел?.. С каким дядей Мишей?.. — побледнела бабушка.

— Лешка из седьмого подъезда. Ты его не знаешь, — ответил я.

Ничего не говоря, бабушка с трудом поднялась и пошла из комнаты. Вскоре я почувствовал запах лекарства. Я пошел ее искать и нашел на кухне. Она стояла перед шкафчиком и составляла туда пузырьки со своими лекарствами. Закончив, она повернулась ко мне и чужим голосом сказала:

— Пойдем, солнышко, посидим с тобой на диванчике.

Мы вернулись в ее комнату, сели рядом, и бабушка стала смотреть в телевизор. Я ждал, когда она что-нибудь скажет, но она за весь вечер так ничего и не сказала.

В одиннадцать часов пришел папа, поцеловал нас с бабушкой, стал ходить по квартире и рассказывать, как прошел концерт в консерватории. Мы с бабушкой молчали. Папа, наконец, это заметил и спросил:

— Вы что такие кислые?

Бабушка сказала:

— Иди, Аркашенька, в свою комнату. Нам с папой поговорить надо.

Я пошел, но успел услышать, как папа удивленно спрашивает бабушку:

— Поговорить? О чем? Что случилось?

Они ушли в бабушкину комнату, и я услышал, как они прикрыли за собой дверь.

Я не собирался отсиживаться в своей комнате и на цыпочках пробрался к закрытой двери. Дверь была очень удобная, потому что через мутные стеклянные квадратики можно было вовремя увидеть черную тень того, кто к ней идет, чтобы успеть убежать.

— Ну что, музыкант, доигрался? – сказала за дверью бабушка.

— Ты о чем, мама? – сказал папа.

— Ты совсем потерял совесть, сынок! Теперь уже весь город знает о твоих похождениях с мужчинами! А главное, об этом знает Аркаша! Какой позор!

— Что значит знает Аркаша? Да откуда он может знать? И что он, в конце концов, может в этом понимать? Ведь он же еще ребенок!

— А ты хочешь, чтобы он вырос и стал таким, как ты? Какой позор! До чего ты докатился! До чего я дожила!

— Зачем ты снова начинаешь эти разговоры, мама? Ведь для тебя это уже не новость! Мы все уже давно обсудили! Что делать, если я не могу иначе!

— Ну как же, знаю! Сначала ты говорил, что после Ани ты не можешь быть ни с одной другой женщиной, что ты ее так любил, что не можешь больше ни на кого смотреть, и так далее и тому подобное! А я тебя жалела, уж очень ты поначалу убивался, а ты связался с мужиками, и теперь об этом знает твой собственный сын! Какой позор! Нет, я этого не вынесу!

— Да почему я должен этого стыдиться? Нынче весь мир так живет! Во всяком случае, в наших кругах...

— Вот именно, в ваших узких кругах! И этого я никогда не понимала – как этот ужасный порок может ужиться рядом с высоким искусством!

— Представь себе, уживается! Ты же знаешь, сам Чайковский...

— Не смей клеветать на гения всех времен и народов! Эту басню ваши узкие круги специально придумали, чтобы опустить гениального человека до своего уровня! Чайковский никогда не был геєм!..

— Мама, о ком мы сейчас говорим? О Чайковском или обо мне?

— Об Аркаше! О твоём сыне! Ведь теперь от него могут отвернуться все его друзья!

— Но ведь это не он геєм, а я!

— Ты дурак, сын, раз думаешь только о своей заднице! Нет, я этого не вынесу!

Дальше я слушать не стал, неслышно ушел к себе в комнату и залез там под одеяло.

Значит, все правда. Значит, мой папа – геєм, а значит, гомик и пидор. И, значит, я никогда уже не буду ровня моим друзьям. Я вспомнил, как смотрели на меня пацаны, и мне захотелось заплакать.

Пришел папа.

— Как ты тут? – спросил он.

— Ничего... — ответил я с закрытыми глазами.

— Ладно, завтра поговорим, — поцеловал меня папа и ушел.

Пришла бабушка.

— Как ты тут? – спросила она.

— Ничего, — сказал я и открыл глаза.

— Ладно, спи, завтра поговорим, — поцеловала меня бабушка и собралась уходить.

— Бабушка, — сказал я, — А отчего люди умирают?

Бабушка присела на кровать:

— Во-первых, от старости. Во-вторых, от болезней. От горя, от предательства, от глупости, в конце концов... Но тебе еще рано об этом думать. У тебя вся жизнь впереди. Спи.

И ушла.

Утром я пошел в школу, и весь день мне казалось, что все смотрят на меня насмешливо и с презрением.

Обманув Антоху, я в одиночку пришел из школы домой и сел за стол у себя в комнате. Я делал вид, что делаю уроки, а на самом деле думал про письмо, которое хотел написать, перед тем как умру. Но еще перед этим я украл из бабушкиного шкафчика упаковку с таблетками, и после того, как я напишу письмо я выпью всю упаковку.

Я знаю, отчего умирают люди.

Читать ещё

- [Андед](#)